

Научная статья

УДК 94(470) "1917"(470, 333)

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-6-08-19

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ,
РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Елена Ивановна Лазаренко

Брянский государственный университет имени И. Г. Петровского

г. Брянск, Россия

lena.lazarenko.79@mail.ru

Аннотация. Статья ставит основной целью рассмотрение исторических особенностей при становлении нормативно-правовой базы, способствовавшей развитию международного гуманитарного права, определению правового статуса военнопленных и условий содержания в лагерях неприятеля. Автор уделяет особое внимание принципам, нормам и положениям, утвержденным в международных договорах, улучшающих, или наоборот, ухудшающих положение военнопленных Первой мировой войны. Актуальность исследования заключается в том, чтобы выяснить реальную роль международных документов в оказании помощи и поддержки, как русским, так и иностранным военнопленным. Статья основана на анализе исследовательских работ, научных статей и изучении документов Государственного архива Российской Федерации. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что многие принципы и нормы международных договоров имели лишь декларативный характер и на протяжении всего периода Первой мировой войны государствами противоборствующих сторон не исполнялись и многократно нарушались. По мнению автора, реально изменили в лучшую сторону положение военнопленных Женевские конвенции 1864 и 1906 гг., а также Бернский мирный договор.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, международное право, правовой статус военнопленного, Конвенция

Для цитирования: Лазаренко Е.И. Международные нормативно-правовые акты, регулирующие положение военнопленных Первой мировой войны // Культурный ландшафт регионов 2021. Том. 3. № 6. с. 08-19.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-6-08-19

Original article

Elena I. Lazarenko

Bryansk state University named after I.G. Petrovsky

Bryansk, Russia

lena.lazarenko.79@mail.ru

INTERNATIONAL NORMATIVE LEGAL ACTS, REGULATING THE SITUATION OF PRISONERS OF WAR FIRST WORLD WAR

Abstract. The main goal of the article is to consider the historical features in the formation of the regulatory framework that contributed to the development of international humanitarian law, the definition of the legal status of prisoners of war and the conditions of detention in the enemy's camps. The author pays special attention to the principles, norms and provisions approved in international treaties that improve, or vice versa, worsen the situation of prisoners of war of the First World War. The relevance of the study lies in comparing international documents in order to find out their real role in providing assistance and support to both Russian and foreign prisoners of war. The article is based on the analysis of research papers, scientific articles and the study of documents from the State Archives of the Russian Federation. In the course of the study, it was concluded that many of the principles and norms of international treaties were only of a declarative nature and throughout the entire period of the First World War, the states of the opposing sides were not implemented and were repeatedly violated. According to the author, the Geneva Conventions of 1864 and 1906, as well as the Berne Peace Treaty, really changed for the better the position of prisoners of war.

Key words: prisoners of war, world war I, international law, legal status of prisoners of war, Convention

For citation: Lazarenko E.I. International normative legal acts, regulating the situation of prisoners of war First world war. *Cultural landscape of the regions*. 2021. Vol. 3. № 6. P. 08-19. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-6-08-19

С началом Первой мировой войны международные договоры, регулирующие правовой статус военнопленных, приобрели актуальный характер. Цель исследования заключается в изучении роли созданных нормативно-правовых актов в улучшении положения военнопленных.

Первым важным шагом к установлению прав военнопленных и гуманному отношению на войне стала первая «Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» от 22 августа 1864 года, проект которой был разработан основателем Международного Красного Креста швейцарцем Анри Дюнаном. Конвенция обязывала воюющие стороны обеспечивать за-

щиту оказавшихся на их территории военнопленных и других, официально состоящих при армии лиц в случае их ранения или болезни. Согласно, статьи 2 с момента подписания документа эти лица приравнивались по своему статусу к военнопленным, к которым должны были применяться предписания международного права. Далее в статьях конвенции шла речь о получении покровительства и охраны воюющих сторон санитарным формированиям и госпиталям, а также личному персоналу санитарных отрядов, транспорта и госпиталей. Эти лица в случае захвата враждебной стороны не признавались военнопленными и при первой возможности должны были быть возвращены на родину. Женевская конвенция впервые установила отличительный знак для медицинских учреждений и персонала – красный крест на белом фоне, который указывал на нейтралитет медицинских работников, занимавшихся не только уходом за больными и ранеными, но и их эвакуацией и перевозкой. На основании статьи 30 в случае нарушения положений Конвенции по просьбе одной из воюющих сторон должно быть начато расследование. Если оно будет доказано, то воюющие стороны в кратчайшие сроки обязывались пресечь его и принять меры для наказания виновных [1].

В 1906 году заключается новая Женевская конвенция, более проработанная и подробная, уточнявшая ряд положений и обговаривала то, что ранее было упущено. Так, например, в новой Конвенции не считали вражеских раненых и больных нейтральными лицами. Теперь они получали статус военнопленных. В случае оставления своих раненых противнику с ними оставался медицинский персонал и необходимые средства. Но международный документ имел и недочеты: если страна не участник Конвенции, то и рассчитывать на помощь и покровительство Конвенции не можешь [2].

Изучая международные соглашения, касающиеся ограничения последствий военных действий, оказывающих негативное воздействие на жизнь и здоровье людей, и на военнопленных в том числе, необходимо вспомнить Санкт-Петербургскую конференцию 1868 года. Для принятия Санкт-Петербургской декларации от 29 ноября 1868 года по инициативе русского правительства были приглашены мировые державы запада и востока. Несмотря на разногласие между странами был решен один вопрос – о разрывных пулях, то есть международное соглашение запрещало использование в армиях европейских стран снарядов, которые при весе менее 400 граммов имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным, или горючим составом [3].

В статье Н.Ю. Николаев рассказывает об открытии Первой Гаагской мирной конференции в мае 1899 года по инициативе российской стороны и Николая II, на которой рассматривались вопросы сокращения вооружения, третейского суда, правил ведения сухопутной войны, морских сражений. Однако ещё до начала конференции общественные деятели Германии относились к ней скептически: все предложения России по разоружению и во время работы форума препятствовали положительному результату, направленному против роста милитаризма [4]. А вот в России общественный резонанс предстоящей конференции пытался вызвать великий писатель Л.Н. Толстой, так как сомневался в эффективности работы мирной конференции, считая, что результатом предстоящего собрания будут пустые слова [5]. На страницах журнала «Вестник Европы» дается неоднозначная оценка деятельности первого Конгресса: с одной стороны – отсутствие перспективы возможной реализации, предложенной Россией

программы, так как у каждого государства имелись собственные военно-политические интересы, с другой – достигнутые договоренности по принятию кодификации гуманитарного права [6]. По мнению самого автора, конвенции и декларации, принятые на Первой Гаагской конференции, легли в основу международного права, а Россия преследовала цель предотвратить мировую войну и сократить вооружение из-за финансовых затруднений [7].

В ходе работы Первой конференции была принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г., в Приложении которой было включено положение об обращении с военнопленными, больными и ранеными. О.В. Гликман отмечает в своем исследовании, что Гаагские конвенции и декларации, регулирующие положение и статус военнопленного, часто, даже грубо нарушались в период Первой мировой войны [8].

Деятельности Первой и Второй Гаагской конференции уделяет внимание С.И. Чернявский [9]. Россия, столкнувшись с серьезными внешнеполитическими трудностями, отставая в гонке вооружений от Германии и ведущих западных держав, стала опять инициатором Гаагской мирной конференции 1907 года. Хотя практические результаты Гаагской конференции 1899 года были невелики, но удалось поднять вопросы уменьшения военных бюджетов, запрещения некоторых видов вооружений. Однако решения конференции по военным вопросам остались лишь на бумаге, а запрещенное конвенциями оружие использовалось в Первой мировой войне.

На Второй международной конференции мира были приняты 13 новых конвенций относительно законов и обычаев войны, а также одна декларация и 7 резолюций. В принятых законопроектах шла речь и о положении военнопленных – подробная регламентация прав военнопленных. Но, как уже упоминалось выше, конвенции не соблюдались воюющими странами. Хотя, несомненно, внесли вклад в гуманное отношение к военнопленным [6, С. 90]. В другой статье С.И. Чернявского перечисляется и дается краткая характеристика нормативно-правовым актам, одобренным Гаагской ассамблеей. Среди них – IV Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, состоящая из 56 статей и признания таких принципов, как: разграничение комбатантов и не комбатантов; подробная регламентация прав военнопленных; запрещение использовать яды, оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишние страдания и т.п. [10].

В ходе работы Конференции 1907 года, был создан Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны, ставший частью Устава армии о законах и обычаях сухопутной войны, который обязывал: «...раненые и больные военнопленные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставлять им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины Русской армии...» [11]. В Конвенции о законах и обычаях войны содержались запреты, среди которых запрет на убийство сдавшихся в плен. В дальнейшем положения о военнопленных будут дополняться в Конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года. По мнению Ю.Н. Саямова, значение Гаагских конвенций состоит в том, что они помогли предотвратить излишнюю жестокость, впервые создали систему международно-правовых средств мирного разрешения споров между государствами, действующие и в современном мире. Но, к сожалению, не были в состоянии сохранить мир.

В исследовательской работе К.О. Животковой особое внимание уделено Главе II Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которая регулировала правовое положение военнопленных и обращение с ними, где отмечено, что содержание пленных является обязанностью государства. Пленные могут привлекаться к работам, однако не указано могут ли они быть привлечены к ним против своей воли. При этом данные работы не должны быть обременительными. В конвенции упоминается о создании справочного бюро для оказания помощи военнопленному для поддержки связи с родственниками, свободное посещение лагерей военнопленных компетентными лицами для оказания социальной помощи. Там же определялись условия содержания и питания русских военнопленных: они должны пользоваться той же пищей, помещениями и одеждой, что и войска правительства, взявшего их в плен [12].

Военные события на практике выявили недочеты конвенций, касающихся правового статуса военнопленных. Это побудило 53 страны созвать конференцию по инициативе комитета Красного Креста и принять Женевскую конвенцию 1929 года по обращению с военнопленными. Используя полученный опыт Великой войны, Женевская конвенция содержала 97 статей: особое внимание уделялось лагерям военнопленных, привлечение к труду и формам оплаты, отношение военнопленных с властями, подробно расписаны правила подачи жалоб, институты доверенных лиц, представляющих интересы военнопленных, меры наказания к военнопленным со стороны лагерной администрации [12, С. 223].

Когда началась Первая мировая война, основным российским правовым источником стало Положение «О военнопленных», утвержденное 7 октября 1914 года Николаем II, которое пришло на смену высочайше утвержденному Положению «О военнопленных» от 13 мая 1904 года, которое устарело по ряду принципам и не соответствовало требованиям времени [11, С. 153]. Положение о военнопленных 1914 года состояло из Глав (I-V), 74 статей, которые регулировали правовой статус и основные вопросы содержания военнопленных в лагерях: общие положения, нахождение военнопленных в распоряжении действующих войск, на сборных пунктах, препровождение в места назначения, помещение военнопленных внутри империи, надзор и довольствие [13]. Согласно документу, военнопленным гарантировали сохранение права человека, личных вещей и частной собственности, свободу вероисповедания, возможность получать материальную поддержку от частных и общественных организаций, но категорически запрещалось носить оружие. При этом создавался специальный военный фонд по содержанию военнопленных, например, для выдачи кормовых денег в пути следования в пункт назначения. На основании Главы IV Положения назначался высший орган власти по управлению делами военнопленных – Главное Управление Генерального Штаба [13, С. 7]. Однако, при подробном исследовании статей данного Положения, можно заметить их не проработанность, так как отдельные вопросы, касавшиеся военнопленных, отводились местным органам власти и требовали дополнительных распоряжений, например, проблемы расселения военнопленных. М.Н. Кутявина и И.Ю. Маньковский в своей статье делают следующие выводы: Положение «О военнопленных» 1914 года ухудшало условия обращения с военнопленными по сравнению с Конвенцией, и как оказалось, для условий плена в России не имели большого значения, в связи с тем, что государственные органы были не в состоянии их выполнить [14, С. 153]. Так в Главе I Положения вводилось обязательное вовлечение военнопленных солдат к работам, которые «оплате вознаграждением не подлежат» [13, С. 2].

Пришедшие к власти большевики признали международно-правовые договоры, подписанные царским руководством, касающиеся положения военнопленных и гуманного отношения к воинам. В июне 1918 года «Женевская конвенция об улучшении участи раненных и больных» была признана декретом Совнаркома РСФСР, а в 1925 году действие Конвенции было распространено на весь СССР [15]. Более того, советское правительство, создавая свои нормативно-правовые акты, опиралось на нормы международного права. В Постановлении Совнаркома о денежном довольствии военнопленных и их семей шла речь о том, что «...Все военнопленные, за исключением лиц, упомянутых в статье 9 Женевской конвенции 1916 года имеют право по возвращении из плена на получение нижеследующего довольствия...» [16, Д. 6, Л. 280]. Четвертая статья Постановления была посвящена выплатам, содержанию санитарного и медицинского персонала, относящихся к категории военнопленных. «Военнопленные санитарного персонала и другие лица, перечисленные в статье 9 Женевской конвенции, предназначенные для подбирания, перевозки и лечения раненых и больных, принадлежащие к администрации санитарного учреждения и др., имеют право по возвращению из плена, на получение всего причисляющегося им содержания...» [16, Д. 6, Л. 281].

Особо остро встал вопрос о положении и судьбе военнопленных после того, как Россия вышла из Первой мировой войны. В связи с этим в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года был подписан мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и России – с другой, который вошел в историю как «Брестский Договор». Он состоял из статей – с I по XIV. В статье VIII шла речь о военнопленных: «Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину. Урегулирование связанных с этим вопросом будет предметом особых договоров, предусмотренных в ст. XII» [17, Д. 51, Л. 73]. Статья XII ссылалась на Дополнительный договор к мирному договору: «Восстановление публично-правовых и частноправовых отношений, обмен военнопленными и гражданскими пленными, вопрос об амнистии, а также и вопрос об отношении к торговым судам, попавшим во власть противника, является предметом отдельных договоров с Россией, которые составляют существенную часть настоящего мирного договора и, поскольку это, возможно, вступают в силу одновременно с ним» [17, Д. 51, Л. 73].

Дополнительный договор между Россией и странами Четверного союза регулировал обмен военнопленных. Особо острые вопросы, интересовавшие, прежде всего Германию, касались долгов, издержек и условий обмена военнопленных. Они были расписаны в Главе 5 – «Обмен военнопленными и гражданскими пленными» и состояли из статей 17–20. Статья 17 гласит: §1. Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину, поскольку они не пожелают с согласия того государства, которое взяло их в плен, оставаться в его пределах или выехать в другую страну. Начавшийся обмен непригодными к военной службе военнопленными будет производиться наивозможно быстрее. Обмен остальными военнопленными последует, возможно, скорее, в определенный промежуток времени, подлежащий точному определению путем соглашений. Россия допустит и будет по возможности поддерживать на своей территории

германские комиссии, которым будет поручена забота о немецких военнопленных. §2. При освобождении военнопленных им возвращается отнятое властями того государства, которое взяло их в плен, их частное имущество, а также ещё невыплаченная, или не засчитанная часть их заработка; это обязательство не относится к письменным документам военного содержания. §3. Каждая из договаривающихся сторон возместит те издержки на содержание своих попавших в плен граждан, которые были произведены противной стороной, поскольку эти издержки не погашены работой военнопленных в государственных или частных предприятиях. Расплата будет производиться в валюте государства, взявшего в плен, отдельными взносами за каждые 50 000 человек, подлежащими уплате каждый раз в течение одной недели после отправления...» [17, Д. 51, Л. 75].

Изучив пункты Дополнительного договора к Брестскому мирному договору и работу смешанных комиссий, можно сделать вывод о том, что проблема с военнопленными оставалась нерешенной, открытой и завела советскую делегацию в тупик: Германия возвращала на родину только пожилых, больных и тяжело раненых, экономически не выгодных и не пригодных для работы на немецких предприятиях, в то время как судьба трудоспособных и молодых военнопленных определялась в будущем путем соглашений, обмена «голова на голову», выплату издержек на содержание военнопленных, что для советского руководства было неприемлемо. Ведь русских военнопленных было гораздо больше, чем немцев, но Германия стояла на своем. Многие условия Дополнительного договора так и не были урегулированы в связи с «подводными камнями» и противоречиями в его статьях: статья 2 Главы I освещала возмещение убытков договаривающимися сторонами» [17, Д. 51, Л. 77], но как их подсчитать каждой из сторон было не просто. Германия требовала очень большую неподъемную сумму, по мнению, наших делегатов. Необходимо отметить, что в отличие от Германии остальные государства Четверного союза были стоворчивее и менее принципиальные в различных аспектах и вопросах о военнопленных.

Проблемы, связанные с обменом военнопленных, просочились в периодическую печать советской России. Газета «Свобода России» №56 от 26-го июня 1918 года напечатала статью «К обмену военнопленными», освятив острую проблему: «Представитель германской делегации в комиссии о военнопленных майор Хёнинг вчера выехал в Берлин. Поездка майора Хёнинга вызвана желанием делегации получить непосредственно, от германского правительства инструкции о дальнейшей тактике делегации в конфликте по вопросу об обмене военнопленными. Германское правительство продолжает настаивать на соблюдении принципа «голова на голову» впредь до окончания войны на Западе; по подписании мира с Францией германское правительство обещает принять все меры к скорейшей эвакуации наших военнопленных» [17, Д. 50, Л. 12].

То, что Брестский мирный договор не решил проблему с обменом военнопленных, затянул возвращение домой на несколько лет, несколько не улучшил положение русских пленных, подтверждает жалоба в Международное бюро труда Женевы: «Несмотря на то, что война давно уже окончена и мир России с Германией заключен, мы все ещё находимся почти на таком же положении, на каком мы были и во время войны. Мы совершенно не можем себе представить, почему Германское правительство нам, русским рабочим, не дает права человека и возможности зарабатывать себе на пропитание, а содержит полуголодных в

лагерях при ужасном режиме» [18, Д. 131, Л. 1]. «Мы обращаемся к Вам, товарищи рабочие, с этим призываем и просим Вас возбудить вопрос об улучшении нашего положения...» [18, Д. 131, Л. 1].

Важным событием на международной арене стало подписание Франко-Германского договора в Берне 25 апреля 1918 года о положении военнопленных. В отличие от Брестского мирного договора, Бернский – подробно регулировал жизнь, содержание, пропитание, обмундирование, врачебную помощь, порядок в лагерях военнопленных и их возвращение на родину. Изучив условия Бернского договора, заметно, что немцы шли на значительные уступки в улучшении содержания оставшихся французских военнопленных в немецких лагерях. Например, Глава III содержит информацию о пропитании военнопленных: «Утверждённые порции еды для военнопленных солдат в Германии и во Франции, должны содержать ориентировочно 2000 калорий для неработающих, 2500 калорий для обыкновенных рабочих, 2650 калорий для тяжело работающих. При этом стремились избегать сокращения установленных норм» [17, Д. 47, Л. 14]. В Бернском договоре немцы уравнили в правах французских военнопленных с гражданским населением Германии, где крайнее количество хлеба предоставлено германским офицерам, подпрапорщикам и солдатам, находящимся в плену во Франции – 350 граммов в день, для военнопленных, работающих вне лагеря – 400 грамм в день. Французским офицерам, подпрапорщикам, унтер-офицерам и солдатам, находящимся в плену в Германии, предоставляется столько же хлеба, как и гражданскому населению, во всяком случае, не меньше 250 грамм в день [17, Д. 47, Л. 15].

Как не покажется странным, но Бернский мирный договор улучшил положение и русских военнопленных: ведь таких прав и уступок в Дополнительном договоре при Брестском мирном договоре не было. Получается, что русские военнопленные находились в гораздо худшем положении, чем французские. Это заметили не только советская делегация, но и мировое сообщество. Напрашивался вопрос – чем же русские военнопленные хуже французов? Получается, что подобная ситуация нарушала нормы международного права. Немецкое руководство пошло на уступки и в Берлине 24 июня 1918 года был подписан так называемый «Германо-русский протокол относительно основ обмена годных к службе военнопленных», в котором были смягчены условия обмена военнопленных, улучшено содержание русских военнопленных. Так статья 3 протокола гласила, что «взявшее в плен государство будет обращаться с военнопленными солдатами до их освобождения, с вызываемыми их положением различиями, как с солдатами собственной армии» [17, Д. 45, Л. 70].

Важно отметить, что Германо-русский протокол был подписан только после огромных усилий советской делегации, работе смешанных русско-германских комиссий в Берлине и Москве 1918 г., которые касались острых вопросов обмена военнопленных и выплате издержек за их содержание. Советская власть для работы междудомственных совещаний приглашала специалистов, руководителей народных комиссариатов, представителей важных отраслей Совнаркома. По своей внутренней структуре и содержанию международные договоры – Бернский мирный договор и Германо-русский протокол разительно отличались. Если в Бернском договоре были подробнейшим образом расписаны права и условия жизни в лагерях французских военнопленных, то в Германо-русском протоколе – лишь в последней статье немецкая сторона брала на себя

обязательства с русскими пленными солдатами обращаться как с солдатами собственной армии.

В ходе изучения научных статей и документов Государственного архива Российской Федерации, в статье можно сделать следующие выводы: Россия принимала активное участие в создании нормативно-правовых актов, посвященных правовому статусу военнопленных и сокращению жестокого обращения с ними, они проводились в сложной для России международной обстановке (как накануне Первой мировой войны, так и после), когда великие державы находились в состоянии конфронтации и с трудом шли на компромисс. Несомненно, вышеперечисленные договоры, сыграли определенную роль в создании и развитии международного гуманитарного права. Но, к глубокому сожалению, многие утвержденные положения, принципы и нормы лишь оставались на бумаге, и в реальной жизни не гарантировались. Во время боевых действий, в лагерях военнопленных Первой мировой войны Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. часто не соблюдались и грубо нарушались. Положение «О военнопленных» 1914 года, утвержденное Николаем II, не имело международного статуса, но, тем не менее, ухудшало отдельные принципы Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года.

Если проанализировать роль вышеперечисленных нормативно-правовых актов, опираясь на факты и архивные источники, то реальную помощь и поддержку военнопленным оказали Женевские конвенции 1864 и 1906 гг., Международный Красный Крест и Бернский мирный договор. Договор в Берне между французами и немцами способствовал сглаживанию недочетов Брестского мирного договора по обмену военнопленных и установлению достойных условий содержания в лагерях противника, а значит и улучшению положения русских военнопленных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотникова В.А. Лица, пользующиеся защитой в соответствии с МГП // Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых учёных. Курск, 19-20 марта 2020 г. Отв. редактор: Горохов А. А. – Курск, 2020. – С. 262-263.
2. Веремеев Ю. Г. Солдаты и конвенции. Как воевать по правилам. – М.: Алгоритм, 2012. – 317 с.
3. Кротов М.И., Беллон Ф. Материалы конференции, 24 ноября 2008 г.: в 2 ч. // Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, Международный комитет Красного Креста (МККК). – Спб, 2008. – 83 с.
4. Николаев Н.Ю. Германия и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник ВолГУ. – 2005. – № 10(4). – С. 43-47.
5. Николаев Н.Ю. Л.Н. Толстой и Гаагская мирная конференция // Вестник Волгоградского университета. – 2010. – № 2(18). – С. 17-23.
6. Николаев Н.Ю. Проблемы войны и мира на страницах журнала «Вестник Европы» в 1898-1899 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 1. – С. 86-92

7. Николаев Н.Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 г.: дисс. ...канд. ист. наук. Волгоград, 2001. 247 с.
8. Гликман О.В. Значение Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. // Международное уголовное право и международная юстиция. – М., 2018. – № 3. – С. 6-9.
9. Чернявский С.И. К 110-летию Второй Гаагской конференции мира // Международная аналитика. – 2017. – № 2(20). – С. 84-90.
10. Чернявский С.И. Вторая Гаагская конференция мира 1907 г.: взгляды через 110 лет // Tractus Aevorum. 2017. – 4 (1). – С. 23-40.
11. Саямов Ю.Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. – 2017. – № 3. – С. 21-26.
12. Животкова К.О. Правовое положение русских военнопленных в эпоху Первой мировой войны по Гаагской Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 и Женевской Конвенции 1931 гг. // Проблемы и достижения современной науки. 2016. – № 1(3). – С. 220-224.
13. Положение о военнопленных. Россия. Военные уставы и наставления. ГПИБ. – Спб., 1914. – 9 с.
14. Кутявина М.Н., Маньковский И.Ю. Правовое положение военнопленных на территории российского государства в период Первой мировой войны // Наука и современность. 2016. – № 42. – С.152-157.
15. Постановление о признании Женевской и других международных конвенций, касающихся Общества Красного Креста // Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918г. – М., 1959. – С. 355-357.
16. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 490. Оп. 1
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-546. Оп. 1.
18. ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1.

REFERENCES

1. Plotnikova V. A. Persons enjoying protection in accordance with IHL. Youth and science: a step to success. Collection of scientific articles of the 4th All-Russian Scientific Conference of promising developments of young scientists. Kursk, March 19-20, 2020. Editor: Gorokhov A. A. Kursk, 2020. pp. 262-263. (In Russ.).
2. Veremeyev Yu.G. (2012) Soldaty i konventsii. Kak voyevat' po pravilam [Soldiers and conventions. How to fight by the rules]. M.: Algoritm. 317 p. (In Russ.).
3. Krotov M.I., Bellon F. (2008) Materialy konferentsii, 24 noyabrya 2008g.: v 2 ch. [Conference proceedings, November 24, 2008: at 2 p]. Mezhparlamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv, Mezhdunarodnyy komitet Krasnogo Kresta (MKKK). Spb. 83 p. (In Russ.).
4. Nikolayev N.Yu. (2005) Germaniya i Gaagskaya mirnaya konferentsiya 1899 goda [Germany and the Hague Peace Conference of 1899]. Vestnik VolGU. 2005. № 10(4). pp. 43-47. (In Russ.).

5. Nikolayev N. Yu. (2010) L.N. Tolstoy i Gaagskaya mirnaya konferentsiya [L.N. Tolstoy and the Hague Peace Conference]. Vestnik Volgogradskogo universiteta. № 2(18). pp. 17-23. (In Russ.).
6. Nikolayev N. Yu. (2018) Problemy voyny i mira na strantsakh zhurnala «Vestnik Yevropy» v 1898-1899 gg. [Problems of war and peace on the pages of the journal «Bulletin of Europe» in 1898-1899]. Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. № 1. pp. 86-92. (In Russ.).
7. Nikolayev N. Yu. (2001) Rossiya i Gaagskaya mirnaya konferentsiya 1899g. [Russia and the Hague Peace Conference of 1899]: diss. ...kand. ist. nauk. Volgograd, 2001. 247 p. (In Russ.).
8. Glikman O.V. Gaagskiye mirnyye konferentsii 1899 i 1907gg.: rossiyskaya initsiativa i dal'neysheye razvitiye MGP [The significance of the Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907. International Criminal Law and International Justice]. Moscow, 2018. No. 3. pp. 6-9. (In Russ.).
9. Chernyavskiy S.I. (2017) K 110-letiyu Vtoroy Gaagskoy konferentsii mira [To the 110th anniversary of the Second Hague Peace Conference]. Mezhdunarodnaya analitika. № 2(20). pp. 84-90. (In Russ.).
10. Chernyavskiy S.I. (2017) Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira 1907g.: vzglyady cherez 110 let [The Second Hague Peace Conference of 1907: Views 110 Years Later]. Tractus Aevorum. 4 (1). pp. 23-40. (In Russ.).
11. Sayamov Yu.N. (2017) O Gaagskikh konferentsiyakh 1899 i 1907gg. [About the Hague Conferences of 1899 and 1907]. Rossiya i sovremennyy mir. № 3. pp. 21-26. (In Russ.).
12. Zhivotkova K.O. (2016) Pravovoye polozheniye russkikh voyennoplennykh v epokhu Pervoy mirovoy voyny po Gaagskoy Konventsii o zakonakh i obychayakh sukhoputnoy voyny 1907 i Zhenevskoy Konventsii 1931 gg. [The legal status of Russian prisoners of war in the era of the First World War according to the Hague Convention on the Laws and Customs of War on Land of 1907 and the Geneva Convention of 1931]. Problemy i dostizheniya sovremennoy nauki. № 1(3). pp. 220-224. (In Russ.).
13. Polozheniye o voyennoplennykh. Rossiya. Voyennyye ustavy i nastavleniya. GPIB [Regulations on prisoners of war. Russia. Military regulations and instructions. GPIB]. Spb., 1914. 9 p. (In Russ.).
14. Kutyavina M.N., Man'kovskiy I.Yu. (2016) Pravovoye polozheniye voyennoplennykh na territorii rossiyskogo gosudarstva v period Pervoy mirovoy voyny [The legal status of prisoners of war on the territory of the Russian state during the First World War]. Nauka i sovremennost'. № 42. pp. 152-157. (In Russ.).
15. Postanovleniye o priznanii Zhenevskoy i drugikh mezhdunarodnykh konventsii, kasayushchikhsya Obshchestva Krasnogo Kresta [Resolution on the recognition of the Geneva and other international conventions concerning the Red Cross Society]. Dekrety Sovetskoy vlasti. Tom II. 17 marta – 10 iyulya 1918g. M., 1959. pp. 355-357. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti [State Archives of the Russian Federation]. (GABO). F. 490. Op. 1 (In Russ.).
17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. (GARF). F. R-546. Op. 1. (In Russ.).
18. GARF. F. 9488. Op. 1.

Информация об авторе: Лазаренко Елена Ивановна – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского
г. Брянск, Россия
lena.lazarenko.79@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Lazarenko E.I. – postgraduate student of the third year of the Department of national history of the Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk),
lena.lazarenko.79@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.11.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.12.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

© Лазаренко Е.И. 2021

© «Культурный ландшафт регионов». 2021